

Повести и рассказы // Государственное издательство художественной литературы, Москва, 1956
FB2: , 16.07.2010, version 1.0
UUID: FBD-66D5CB-DC31-F64E-64A3-51DB-26A9-18F0EC
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Викентий Викентьевич Вересаев

К спеху

**Викентий Викентьевич
Вересаев**

К спеху

Однажды вечером я сидел на крылечке избы моего приятеля Гаврилы и беседовал с его старухой-матерью Дарьей. Шел покос, народ был на лугах. Из соседнего проулка выехал на деревенскую улицу незнакомый лохматый мужик. Он огляделся, завидев нас, повернул лошадь к крылечку и торопливо спрыгнул с телеги.

Мужик был бос, порты болтались на его ногах; из расстегнутого ворота грязной холщовой рубахи глядела ко-ричневая грудь, густые волосы на голове были спутаны и пересыпаны сенной трухой.

— Эй, тетка! Где тут у вас самая рябая девка живет? — с тою же торопливостью обратился он к Дарье. Вообще во всех его движениях было что-то торопливое и как будто очумелое.

— Чтой-то, господи помилуй! — медленно произнесла Дарья и широко раскрыла глаза... — На что тебе?

— Самая что ни на есть рябая! Сказывали, есть у вас такие...

В смеющихся глазах Дарьи промелькнуло что-то: она поняла. Но я не понимал и удив-

ленно смотрел на мужика, припоминая в то же время, что я где-то видел его раньше.

Дарья протяжно ответила:

— Есть, милый, есть рябенькие!.. А ты сам откудава?

— Из Малахова сам я... Сорок ден, как жена померла, дома трое ребят, а пора, сама знаешь, горячая. Никак не управиться одному!

— Ты вот что: иди ты к Мотьке десятковой. Вот она, десятская изба, рядом.

— А как, скажешь, пойдет она за меня?

— Ты сам ее и спроси... Да вон она от колодца с ведрами идет. Как подойдет, ты и спроси.

— Илья! Или не признал? — обратился я к мужику.

Он быстро уставился на меня своими бегающими глазами.

— А-а, Викентьич! — радостно проговорил он, и в углах его глаз запрыгали морщинки. — Будь здоров, с приездом!

Он протянул мне корявую руку.

— Татьяна твоя померла? — спросил я, пораженный.

— Померла, померла! — пробормотал он. —

Вчера сороковины справил. Заложило бок, — в неделю свер-нулась, царствие ей небесное!.. Померла, померла Татьяна!

В прошлом году, позднею осенью, я ночевал в Мала-хове у Ильи, и мне хорошо помнилась его жена Татьяна. Рядом с очумело-суетливым Ильею странно было видеть ее — неторопливую и спокойную, с ясными, ласковыми глазами; видно было по всему, что она стояла поверх мужа и что он признавал ее опеку, уверенную и любовную... И вот она умерла. То-то он теперь такой грязный и лохматый!

К соседнему двору подошла коренастая, приземистая Мотька с двумя ведрами на коромысле. Илья поспешно бросил вожжи в кузов телеги и рысцою, в болтающихся портах, подбежал к Мотьке.

— Девочка, а девочка! Ты самая рябая на деревне?

Мотька поставила ведра на землю, удивленно оглядела Илью, вдруг пусто покраснела и потупилась.

Илья деловито заговорил:

— Слушай, девочка! Холостой тебя не возь-

мет, — на что ты ему такая? А я вдовый, трое ребят у меня, хозяй-ство, как следует быть, — лошадь, корова, ну и все такое... Пойдешь замуж за меня?

Мотька стояла, потупившись, и молчала.

— Что ж ты, девонька, молчишь? Ай обиделась? — недоумевающе спросил Илья.

Дарья слушала и покатывалась со смеху

— Ступай к батю! — тихо ответила Мотька.

— Ну его, батю! Ты-то пойдешь ли?

— А вот батя тебе и скажет.

Илья ударил себя по бедрам.

— Заладила одно: батя да батя... Я тебя спрашиваю.

— А ну те к черту, паралик лохматый! — вдруг сердито крикнула Мотька, схватила ведра и стремительно ушла в ворота.

Илья поднял брови, поглядел ей вслед и, почесывая в спутанных волосах, побрел к нам.

— «Батя» да «батя», больше ничего! — разочарованно произнес он. — Сама ряба так, что лучше и не надо, а тоже — «батя»! А того не понимает, что батю ее бутылку водки поставь, да еще приезжай, да еще... а времени где же

возьмешь! Пора горячая, мне бы по-скорее!

Он высморкался пальцами, задумчиво отер руку о по-дол и вдруг встрепенулся.

— Нет ли у вас здесь еще кого? Нету?.. Ну, коли нету, то, значит, до Тайдакова надо доехать; там тоже, сказывают, рябенские есть... Оставайтесь здоровы!

Илья взвалился на телегу, захватил в руки вожжи и повернул на дорогу в Тайдаково. Я с недобрим чувством смотрел ему вслед, и мне вспоминались ласковые, ясные глаза Татьяны, умершей всего шесть недель назад.

Мотька появилась в воротах. С злым, нахмуренным лицом она стояла и глядела на золотистое облако пыли, в котором дребезжала телега удалявшегося Ильи.

— Ты что же это, девка, жениху-то отказала? — не-винно спросила Дарья.

— «Отказала»!.. Сам страшный какой, а меня с первого же слова срамить зачал: ты, говорит... самая рябая на всей деревне!..

Голос Мотьки задрожал, — от обиды или от сожаления?.. Она повернулась и снова ушла во двор.

В середине июля я возвращался домой на беговых дрожках из Тулы. Был самый разгар страды. Солнце садилось, вся даль к западу была затянута нежно-золоти-стою пылью, как туманом; пахло спелую рожью. По безбрежной шири полей всюду виднелись рассеянные в оди-ночку рубахи косцов и согнутые спины жниц; пыльные, облитые потом, все работали молча и сосредоточенно. Что-то тягучее и тупо-властное стояло в знойном воздухе, и копошившиеся среди ржи молчаливые люди казались пригнетенными рабами какой-то огромной, беспощадной силы.

Солнце село, на востоке появилась серо-лиловая по-лоса с слабо-пурпуровым краем, — первая тень надвигавшейся ночи. Золотистый запад бледнел, полоса на востоке темнела и росла; а вместе с этим вокруг становилось все тише, и людей на полях попадалось все меньше. Дойдя до четверти неба, надвигавшаяся с востока тень сли-лась с вдруг потемневшим небом, и на нем замигали звезды.

Дрожки быстро катились по накатанной дороге в серой мгле вечера. С низин потянуло

влажной прохладою. Во встречных деревнях гасли огни. Истомленное зноем и трудом, все вокруг сладко засыпало.

Была поздняя ночь, когда я проезжал через Малахово. Деревня спала мертвым сном. Вдруг у крайней избы, около плетня, я заметил черную фигуру. Она медленно ходила под лозинами взад и вперед, медленно и однообразно раскачивалась... Неужели это Илья? Изба была его, а неделю назад, поздно вечером проезжая через Малахово, я видел Илью, сидевшего на завалинке и баюкавшего ребенка. Я остановил лошадь.

— Илья, это ты? — окликнул я человека.

— Я, — коротко ответил он из темноты.

Я слез с дрожжек и подошел к Илье. На руках, под накинутым на плечи зипуном, он держал закутанного в сви-вальник ребенка. Я спросил:

— Что, или и до сих пор не нашел ты себе невесты?

— Невесты-то?.. Нет, слава богу, тогда же дело сла-дил в Тайдакове. Есть теперь баба; хорошая баба, лихая на работу, — дай бог всякому.

— Что же это ты сам с ребенком носишься?

— Не привык он к ней, — неохотно ответил Илья.

Я вгляделся в ребенка.

— Да он же спит! — воскликнул я.

— Пуцай спит! — пробормотал Илья.

— Вот чудак! — Пошел бы и сам спать, — устал ведь с работы! Да и для ребенка лучше, если положишь его.

Илья помолчал.

— А может, я это не для него делаю, а для себя?

Я удивленно оглядел его. Лицо Ильи было грустно и необычно-сосредоточенно. И вдруг я понял...

Страдные дни властно отбирали себе у Ильи все его помыслы и всю душу. И вот короткие ночи он, вместо от-дыха, одиноко ходил с ребенком под лозинами, отдаваясь на свободе воспоминаниям и тоске.